

СЗР
3

ОБОЗРѢНИЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ДО

ЕДИНОДЕРЖАВІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

СОЧИНЕНИЕ

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

Съ портретомъ и факсимилемъ автора.

61

СНБ
1846

Зб [две]
3.

ОБОЗРЪНИЕ
РУССКОЙ ИСТОРИИ

до

ЕДИНОДЕРЖАВІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

W. W. Wood

ОБОЗРЕНІЕ

РУССКОЙ ИСТОРИИ

до

С. З.

ЕДИНОДЕРЖАВІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

СОЧИНЕНИЕ

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатанія, представлено было въ Цензурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Іюня 9-го, 1846-го года.

Цензоръ *Никитенко.*

Въ типографіи К. Жернакова.

2007096436

**Сочиненіе покойнаго Н. А. Полеваго,
издаваемое нынѣ подъ заглавіемъ : « Обо-
зрѣніе Русской Исторіи до единодержав-
ія Петра Великаго », должноствовало
составить первый томъ обширной « Исторіи
Петра Великаго ».**

**Н. А. Полевой думалъ издать эту
«Исторію» въ 4-хъ большихъ томахъ, каж-
дый въ 40 печатныхъ листовъ. Недоста-
токъ источниковъ и пособій къ Исторіи
Петра Великаго, доселъ не изданныхъ и
хранящихся въ архивахъ, былъ главною
причиною, по которой авторъ не могъ и
даже не хотѣлъ спѣшить окончаніемъ своего
труда. Къ этому надобно присоединить
многочисленныя постороннія занятія, раз-
влекавшія дѣятельность Н. А. Полеваго
въ послѣдніе годы его жизни.**

**Все, что по смерти Н. А. Полеваго
было найдено въ его бумагахъ и относи-
лось къ издаваемой нынѣ книгѣ, предста-
вляется здѣсь на судъ читателей. Остальные
«Примѣчанія» по нѣкоторымъ причинамъ
напечатаны быть не могутъ. Сверхъ того
не напечатано здѣсь *второе «Введеніе въ*
Исторію Петра Великаго», въ которомъ
Н. А. Полевой хотѣлъ изобразить все го-
сударственное бытіе Россіи до 1689-го
года. Онъ не успѣлъ окончить этого *вто-
раго введенія*, начало котораго читатели
могутъ видѣть въ приложенномъ здѣсь
снимкѣ съ рукописи покойнаго Полеваго.**

С. Петербургъ,
Іюня 1-го дня, 1846 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Отечеству трудъ мой, соотечественникамъ создавшое любовью къ великой отчизнѣ, вѣрою въ ея славную будущность!

Если судить трудъ мой по степени его совершенства, по тому, какое мѣсто надобно дать ему среди другихъ историческихъ твореній, предварительно осуждаю самъ себя: *Исторія Петра Великаго*, которую осмѣливаюсь представить читателямъ, недостойна ни имени Великаго, ни того благоговѣнія, коимъ исполнено сердце каждого Русскаго къ его памяти.

Но пусть судятъ трудъ мой по усердію, съ какимъ возлагаю посильную лепту на алтарь отечества, по ревности, съ какою старался я совершить его, по цѣли, мною предположенной.

Исторія различается отъ простой *льтописи* цѣлью, духомъ, направленіемъ — не говорю о формѣ: она можетъ

быть разнообразна до бесконечности, и всякая равно будетъ хороша, если умъ и знаніе историка вѣрно извлечуть ее изъ сущности его творенія. И лѣтопись и исторія суть *повѣсти о дѣлахъ*. Но лѣтопись только разсказываетъ ихъ; исторія раскрываетъ идею, заключенную въ дѣлахъ, показываетъ мѣсто тѣхъ или другихъ событий въ великой книгѣ судебъ: здѣсь ея различие отъ лѣтописи, и если смотрѣть съ сей точки зреянія на историка, онъ истинный провѣщатель тайнъ прорѣчнія, глашатай великихъ уроковъ опыта, человѣкъ всѣхъ вѣковъ, гражданинъ всѣхъ странъ. Не предписываемъ ему, какъ долженъ онъ исполнить свое дѣло; повторяемъ: форма труда можетъ быть разнообразна до бесконечности. Пусть только уразумѣеть историкъ повѣсть судебъ и угадаетъ, если можно такъ выразиться, великую тайну сліянія своего предмета съ жизнью человѣчества. Всякая прелестъ искусства будетъ только дополненіемъ къ идеѣ, сущности исторического творенія.

И тѣмъ важнѣе она, когда историкъ повѣствуетъ о событии обширномъ, вѣковомъ, или разсказываетъ жизнь одного человѣка, но человѣка представителя великихъ событий, сына судебнаго посланника прорѣчнія.

Исторія великихъ есть повѣсть жизни народовъ. Подобные солнца мѣсяцъ среди системъ звѣздныхъ, горы мѣсяцъ среди долинъ, рѣдко и не случайно являются великие люди: они выводы временъ; вѣка готовятъ ихъ и на вѣка отражается дивная жизнь ихъ; перстъ Божій указуетъ имъ время ихъ явленія и у колыбели ихъ слышанъ гласъ судебнъ: *Господь съ тобою, сильный крѣпостью!*

Дивно ихъ явленіе и поучительно разматривать жизнь великаго: отдѣлять въ ней временное, переходящее, частное

человѣка отъ вѣковаго, перушишаго, общаго человѣчеству, изображать ее въ живыхъ подробностяхъ мѣстными красками минувшей жизни, и сообразя предшествовавшее и послѣдовавшее, опредѣлять наконецъ мѣсто и назначеніе великаго на землѣ и въ жизни человѣчества.

И не бывши Рускимъ, не увлекаясь непреодолимою любовью къ отчинѣ, кто не сознаетъ, что иашь Петръ былъ однимъ изъ достопамятныхъ явлений человѣчества? Разсмотрите жизнь его, сообразите превышающіе силы обыкновеннаго человѣка труды его, исчислите все созданное имъ: многіе ли и — гдѣ равные нашему Петру? Но такой взглядъ на Петра Великаго будетъ далеко недостаточенъ, и что еще важнѣе: онъ подастъ поводъ къ ошибочнымъ сужденіямъ и невѣрнымъ выводамъ.

Мы видимъ такія ошибки въ мнѣніяхъ не только многихъ Европейцовъ, но даже нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ.

Удерживая негодованіе наше, скажемъ, что какъ многіе видятъ въ Россіи только явленіе тяжелой, громадной силы, такъ и въ Петре Великомъ видятъ многіе только умнаго, если угодно геніальнааго самовластителя, случайно, безошибочно полюбившаго Западное образованіе, какъ другіе любятъ побѣды и иѣгу дворскую, видять царя, желѣзною волею хотѣвшаго передвинуть порядокъ событий. Если, говорять намъ, Петръ принесъ пользу своимъ дѣламъ, то и зла причинилъ ими не менѣе. Крайними точками такого превратнаго мнѣнія, съ одной стороны можно положить мнѣніе тѣхъ, кто въ Россіи видитъ политическое явленіе, подобное имперіямъ Чингисовъ и Тамерлановъ, а въ Петре дикаго Тамеамеа, только въ обширномъ объемѣ; съ дру-

гой стороны мнѣніе тѣхъ, которые, хотя и сознаютъ величие и отчетливую систему дѣлъ Петра, но осуждаютъ однакожь ихъ, называя нарушеніемъ какого-то естественаго, историческаго порядка дѣлъ. Стройнѣе и правильнѣе, по ихъ мнѣнію, могло бы все совершиться безъ Петра. Здѣсь начинаетъ горевать близорукая любовь человѣчества, сожалѣющая о жертвахъ насильственнаго переворота; видѣнъ бываетъ ошибочный взглядъ на послѣдовавшее послѣ Петра и на современное намъ образованіе Россіи; являются робкое недоумѣніе о потерѣ нашей народной самобытности и опасеніе за нашу будущность.

Всѣ сіи, болѣе или менѣе превратныя и невѣрныя мнѣнія происходятъ отъ неточнаго и неполнаго взгляда на дѣла Петра Великаго.

Понять его можно только узнавши исторію Россіи, а узнатъ исторію Россіи можно только знакомому съ исторіею человѣчества.

«Что было, то долженствовало быть:» заключеніе справедливое и вѣриное. «Явленіе, столь громадное, обширное, продолжительное, какимъ является Россія, не могло и не можетъ быть чѣмъ нибудь мимолетнымъ, подобнымъ фантасмагорической пестротѣ царствъ Азіи, мгновенныхъ явленій силы вещественной:» также вѣриное заключеніе. Но подобныя решенія слишкомъ неопределены. Нашъ умъ требуетъ убѣждающей отчетливости: силлогизмъ не приходить, до вѣчный законъ ума человѣческаго.

Извлечь удовлетворительный, оправданный умомъ нашимъ выводъ исторіи Русской изъ исторіи человѣчества, а изъ исторіи Русской пояснить исторію Петра Великаго; изложить послѣ сего дѣла его, какъ строгую повѣрку вывода;

безпристрастно показать въ Петрѣ Великомъ посланника судебъ, дѣятеля воли провидѣнія и съ тѣмъ вмѣстѣ чловѣка; въ дѣлахъ его отличить вѣковѣчное отъ преходящаго; раскрыть, какъ родилось, развивалось и совершилось въ немъ сознаніе его великаго предназначенія; наконецъ, повѣрить справедливость своего повѣствованія и своихъ выводовъ повѣстью о бывшемъ послѣ Петра до нынѣ: вотъ дѣло того, кто будетъ писать исторію Петра Великаго, кто, уклоня отъ себя всю гордость народнаго честолюбія, будетъ прежде всего безпристрастенъ, отказавшись на время отъ безотчетнаго изумленія передъ великимъ, призоветъ, такъ сказать, прошедшее на судъ настоящаго и въ настоящемъ предугадаетъ будущее. Таковъ, повторяемъ, долгъ историка Петра Великаго, и — благо ему: великъ долгъ его, но велика и награда! Онъ покажеть намъ, что Петръ Великій и дѣла его были необходимы не только потому, что съ рожденіемъ его пришло уже время вдвинуть Россію въ полную, общую исторію человѣчества и ею начать новую исторію Европы, но и потому, что Россія прожила уже тогда всю отдельную жизнь свою, данную ей Іоанномъ III-мъ, геніемъ XV вѣка, родоначальникомъ Петра Великаго по духу и дѣламъ, прожила, говоримъ, и могла склониться къ разрушенню, еслибы цари, хотя и достопамятные и доблестные, но не *Петръ*, явились на тронъ Мономаха. Онъ изъяснитъ намъ, какъ заброшенная съ небесъ въ грудь юнаго царя искра великаго предвѣдѣнія судебъ Россіи, разгаралась въ бурномъ началѣ его царствованія, укрѣпляясь думою съ посланными къ нему провидѣніемъ людьми, утвердилась убѣжденіемъ ума въ необходимости преобразованія рѣшительнаго и полнаго, даже для поддержанія

современаго ему, государственаго бытія Россіи. Онъ изобразить, какъ вели къ тому Петра Великаго въ послѣдствіи всѣ политическія отношенія Россіи, всѣ событія, дѣла, успѣхи и неудачи — самыя ошибки его, и какъ наконецъ, черезъ сорокъ лѣтъ, созрѣла и необъятна стала мысль Петра Великаго. Изображая Россію до Петра и послѣ Петра, Европу его времени и его самого въ отношеніи къ Европѣ, онъ утвердитъ, что Петръ Великій, соединявшая въ себѣ весь свой вѣкъ, не превышалъ его (дѣло человѣку невозможное), но былъ впереди его. Тогда разсмотрѣніе трудовъ, предпріятій, мыслей Петра проявить необъятную громадность его генія, творившаго все не безотчетно, по съ полнымъ сознаніемъ, ибо ничто не было ему чуждо въ мірѣ идей современныхъ, и не одну наружность преобразовывалъ онъ, но глубоко виѣдрялъ свои преобразованія въ сущность бытія, и не парушалъ историческаго порядка, но восполнялъ его въ стройномъ согласіи народа и вѣка, Европы и Россіи, такъ, что на его основаніи возсоздалась новая исторія Европы, не только Россіи, такъ, что изъ живительного источника, имъ открытаго, новая жизнь проинкла вѣка, и мы нынѣ едва только можемъ догадываться о томъ, что уже понималъ онъ. Здѣсь уничтожатся и неумѣстная любовь человѣчества и ложный философскій выводъ изъ исторіи Русской, осуждающей великаго. И если притомъ историкъ будетъ повѣствовывать дѣла Петра, исчислить всѣ его труды, болѣзни, страданія, его высокое одиночество генія среди всѣхъ окружавшихъ его, самоотверженіе, не пощадившее даже роднаго сына, громаду помысловъ и предпріятій, подъ которою разрушилась наконецъ его, казалось, неистощимая сила жизни, если онъ